

ГЛАВА 1

К вечеру дорога опустела. После шести часов по ней проехала только одна телега, в которой сидел не немецкий солдат, а какой-то местный дедок, безуспешно подгоняя усталую клячу голосом и подстегивая ее вожжами. Когда телега скрылась за дальним поворотом, на опушку вышел человек в немецкой форме с погонами обер-лейтенанта. Он долго стоял, почти не шевелясь, прислушиваясь и вглядываясь в лес на противоположной стороне.

В этой предвечерней тишине особенно угнетающе выглядело шоссе. Вправо и влево, на сколько хватало взгляда, на обочинах стояли и лежали грузовики, легковые автомашины, мотоциклы, телеги, передки артиллерийских орудий. Все — разбитое, разбросанное взрывами, сгоревшее частично или дотла. Обуглившаяся древесина, почерневшее железо и еще вполне уловимый запах гари.

Часть воронок еще не была засыпана, немцы починили проезжую часть, стащив на обочины

остатки машин. Зрелище было страшное, невольно представлялась хорошо знакомая картина первых недель войны, когда по дорогам шли колонны военных, текли потоки беженцев. В воздухе вдруг появлялись немецкие бомбардировщики и с ужасным воем начинали пикировать на шоссе. Черные разрывы бомб разбрасывали машины и людей, все начинало гореть, взрываться. Кричали люди, ржали и рвали постромки обезумевшие лошади, ревели двигатели. А бомбы сыпались и сыпались. Через несколько минут на дороге оставались лишь трупы, смрад и гарь. И в установившейся тишине, которая была еще страшнее бомбежки, вдруг начинали кричать раненые, женщины плакали и звали детей. Вот она, обратная сторона войны, победного шествия по чужой стране.

Рядом с обер-лейтенантом как из-под земли вырос человек в маскировочном костюме, с автоматом ППШ в руках.

— Глядите-ка, как у них все культурно, мать их в душу, — зло произнес человек. — В шесть уже ни одной машины. Все делается с девяти и до шести. Рабочий день, значит, закончился. Как у себя дома...

— Ладно, Фильченко, приступайте, — сказал ему обер-лейтенант по-русски.

— Есть, — кивнул человек в маскировочном костюме и, не оборачиваясь, махнул рукой.

Из леса неслышно появились еще четверо бойцов в таких же маскировочных костюмах.

— Акимов, готовь на всякий случай рацию, чтобы не мешкать, если найдем, — приказал Фильченко. — Захаров со мной, Абдуллаев и Жогин направо. Смотреть внимательно по сторонам. Немец, он, конечно, не любит в неурочное время за ворота выходить, только если до ветра. Но у войны свои порядки. Может и колонна неожиданно пройти, может и припоздавший какой-нибудь начальник с охраной проехать. Чтобы тихо у меня, как тени!

Молодой радист вернулся в густой молодой березняк и поставил на землю вещмешок с радиостанцией. Остальные бойцы осторожно двинулись вдоль разбитой техники, осматривая каждую машину, каждую грудку железа, перевернутую повозку. Шли быстро, но действия каждого разведчика отличались точностью и неторопливостью. Первым делом — проверка на минирование или на неразорвавшиеся боеприпасы. И авиационные бомбы, и артиллерийские снаряды, и мины не всегда взрываются при падении на землю. Иногда они могут лежать так довольно долго, в зависимости от причины, по которой не сработал взрыватель.

Слева, со стороны городка Лыков Отрог, слышался шум моторов. Фильченко повернул го-

лову и прислушался. Это не одиночная машина. Грузовики! Он посмотрел на Абдуллаева и Жоги-на — ребята присели за обломки машины и замерли. Самому Фильченко было ближе забраться под перевернутую телегу и скрыться в ворохе соломы.

Захаров, осматривавший перед этим перевернутый грузовик, шагнул в сторону, под свисавший клочьями брезентовый тент. Он не сразу почувствовал, как под ногой чуть шевельнулась оторванная от борта грузовика доска, а за рокотом приближающихся немецких машин не слышал, как с легким звоном отлетела в сторону скоба спускового рычага гранаты и зашипел запал. Выпавшая, видимо, из чьей-то руки граната с выдернутой чекой лежала здесь две недели, случайно прижатая доской. На войне никогда нельзя зарекаться от случайностей и думать, что все зависит от тебя самого.

Взрыв гранаты Ф-1 оглушил разведчика. Ни один из осколков его не задел, но ступню практически оторвало взрывом. Сержант Захаров на глазах немцев, уже остановивших свои машины, упал возле перевернутого грузовика. Он слышал крики вражеских солдат и, теряя сознание от боли, сделал то, что единственное мог и должен был сделать в этой ситуации. Принять бой, вызвать огонь на себя, дать возможность товарищам скрыться в лесу.

Старшина Фильченко видел, как Захаров полз к дороге и стрелял. Потом пуля попала ему в голову, и капюшон маскировочного костюма окрасился кровью.

— Ребята, в лес! — крикнул старшина, выхватывая автомат из рук мертвого Захарова. — Уходите, я прикрою.

Положив стволы автоматов перед собой на край брошенной телеги, он стрелял с двух рук, используя высокую скорострельность ППШ, буквально заливая пулями обочину дороги, из-за которой немцы пытались подняться в атаку. Когда кончились патроны, старшина взялся за гранаты. Он бросил две. Гранаты перелетели через дорожное полотно и взорвались на другой стороне. Третью Фильченко бросить не успел. Две пули пробили его грудь, он упал навзничь, уставившись мертвыми глазами в темнеющее небо.

Разведчики не смогли отойти в лес. Немцы стали охватывать с двух сторон место странного взрыва, где неожиданно появился русский. Несколько минут, и напряженный бой закончился. Кроме еще двух русских в маскировочных костюмах возле дороги, немцы обнаружили в березняке радиста, который подорвал себя и рацию гранатой. Судя по тому, что проволочная антенна была заброшена высоко на дерево, рация была готова к сеансу связи, а может быть, он уже состоялся, прежде чем погиб радист.

Измотанные в боях пехотинцы шли, понуриив головы. Осень 41-го года была холодной. Серые снеговые тучи ползли по мрачному небу так низко, что, казалось, задевали верхушки деревьев. Начавшийся с утра снег начал таять и превратил дорогу в черное месиво. Холодный октябрьский ветер трепал рваный брезент на кузове застрявшей полуторки, которую безуспешно пытались вытолкнуть десяток обозленных матерящихся красноармейцев. В заляпанных до пояса шинелях, еле вытягивая ноги из липкой непролазной грязи, они провожали хмурыми взглядами проехавшую мимо «тридцатьчетверку» с бортовым номером 077.

Алексей Соколов сидел в люке башни в самом мрачном настроении. Уже октябрь, морозы, скоро наступит настоящая зима, а Красная армия все отступает. Не бежит, конечно, сражается, цепляясь за каждую удобную позицию, отбивает атаку за атакой, но потом снова уходит на восток.

Младший лейтенант со своим опытом командира танкового взвода, который вступил в бой на второй день войны, видел это именно так, потому что был в первых рядах воюющих. Он ходил со своими танкистами в контратаки, держал оборону, шел на восток, оставляя деревни и города. И смотрел в глаза их жителям.

Но как командир Красной армии, Алексей принимал и другое. Все не так, как видится. Не ар-

мия слаба, не техника уступает немецкой. Где-то командование проигрывало в тактике, а может, и в стратегии. Вермахт наступает, используя фланговые охваты, как стальными клещами сжимающая советские части танковыми дивизиями и механизированными армейскими группами. Или врубается, найдя слабое место в обороне Красной армии, мощным клином все тех же танковых армий, рассекает и уходит на оперативный простор, а следом идут механизированные части, успевающие за танками, которые добивают расчлененные, окруженные подразделения.

Отступление Красной армии происходит потому, что командование снова и снова выводит подразделения из возможных котлов, отводит на новые позиции, где можно организовать оборону, накопить силы и провести ответную наступательную операцию. Но немцы снова и снова не дают такой возможности.

Соколов как командир, закончивший танковую школу прямо перед войной, хорошо знал, что в училищах, военных школах и академиях не учили действиям подразделений, частей и соединений при отступлении. Только вперед, только наступательный бой. Действия в обороне, и снова наступление. Стальным кулаком выбить врага с территории страны и добить его в его же логове!

Алексей слышал историю одного старого генерала, который воевал еще в царской армии, а потом перешел на сторону советской власти, когда совершилась революция. Он попытался в академии, где преподавал тактику, начать давать темы арьергардных боев. Его обвинили в пораженчестве и антисоветской деятельности. А как бы сейчас пригодились эти знания и опыт, эта нужная теория — действия частей и соединений в условиях отступления. А без этой теории были бессмысленные и плохо подготовленные атаки механизированных корпусов в лоб танковым клиньям немцев. Сколько танков потеряно бессмысленно, сколько их осталось в Белоруссии и на Украине...

Прикрывая отходы своей части, Соколов вчера потерял два танка. Пятеро ребят сгорели, трое отправлены в госпиталь с сильными ожогами. Да и «семерке» досталось так, что она чудом осталась на ходу. Заклинило курсовой пулемет на башне, саму башню тоже заклинило — немецкая болванка угодила под нее. Последние полчаса боя приходилось делать грубую наводку всем корпусом танка, а потом уже доводить орудием. Если бы не мастерство Бабенко, экипажу бы не выжить. Механику-водителю приходилось так дергать машину, так рвать фрикционы, выводя танк из-под огня немцев, что Соколов и не надеялся, что «семерка» вообще сможет двигаться после такого боя.

Разбрызгивая грязь и покачивая стволом пушки на неровностях дороги, «тридцатьчетверка» шла, обгоняя пехоту. Вдруг с громким скрежетом танк сбавил скорость, а затем и остановился совсем.

— Бабенко! — командир прижал к горлу ларингофоны ТПУ. — Что такое?

— Все, товарищ командир, — раздался в шлемофоне голос механика-водителя. — Левый фрикцион сдох!

Соколов выругался, отсоединил кабель от шлемофона и вылез из башни. Спрыгнув на землю, он прошел вдоль борта, мысленно сетуя на железного друга. Что в бою не подвел, спасибо. Но теперь-то? В чистом поле? Алексей похлопал танк по броне и подошел к люку механика-водителя. Бабенко смотрел на командира виновато.

— Ну что, Семен Михайлович?

— Только в мастерские. Трансмиссию перебирать надо, — сказал механик. — Встали мы капитально. Мыслимо ли, такой бой выдержать!

— Что делать будем, товарищ младший лейтенант? — раздался еще голос, и рядом с Бабенко появилось носатое лицо радиста Омаева. — Связаться с нашим комбатом?

— Давай, Руслан, — кивнул Соколов, поставив локти на броню и опустив на них голову. — Только не получится. Наш батальон еще неделю назад

перебросили на правый фланг, на танкоопасное направление. Не возьмет рация.

— В чем дело? — раздался за спиной властный голос. — Почему танк стоит, когда все движутся к намеченным рубежам? Командир танка, ко мне!

Соколов обернулся удивленно и увидел оставившуюся черную «эмку», которую бойцы вытаскивали из большой лужи на относительно сухую обочину. В нескольких метрах от танка стоял широколицый мужчина в форме с одним ромбом в красной петлице и нашивками бригадного комиссара на рукаве. Алексей невольно вытянулся, как того требовал устав, но страшная усталость мешала согнать с лица угрюмое выражение.

— Я сказал, командир танка ко мне! — снова заорал комиссар с перекошенным покрасневшим от злости лицом.

— Давайте я подойду? — предложил сверху Логунов. — Все ж таки я командир отделения, командир танка. Не нравится он мне.

— Всем оставаться в машине, — приказал Соколов, почти не разжимая губ, и подошел к комиссару. Вскинул ладонь к шлемофону.

— Почему танк стоит? — пошатнувшись, комиссар ухватился рукой за локоть подбежавшего к нему старшего политрука. — Почему не в бой?

Соколов обрадовался, что не пришлось представляться этому человеку. Хотя разговор еще

не окончен, и чем он может закончиться, угадать сложно. Комиссар был явно не в себе и тем более пьян. Наверняка удирал откуда-то с передовой, не дождавшись штаба или своего политотдела. А теперь маскирует свою трусость гневом и пытается обвинить в трусости других, не разобравшись, в чем дело. С такими типами младшему лейтенанту уже приходилось сталкиваться, цену такому «гневу» он знал хорошо.

— Танк неисправен, — ровным голосом стал докладывать Соколов. — Мы несколько часов назад вышли из боя, прикрывая отход наших частей. Машина получила повреждения и теперь не может самостоятельно двигаться. Нужно отбуксировать танк в ремонтную мастерскую полка.

— Какой буксир? — снова начал орать комиссар. — Фашисты идут по пятам. Вы будете здесь торчать до тех пор, пока новейший советский танк не захватит враг? Или вы умышленно намерены передать его немцам? Я приказываю немедленно взорвать неисправный танк и следовать дальше вместе с частью!

— Товарищ бригадный комиссар, — сдерживая бешенство, заговорил Соколов. — Боевой устав предписывает охранять и защищать поврежденный на поле боя танк и принимать меры к его транспортировке в ремонтное подразделение. В случае невозможности спасти материальную

часть и угрозы захвата ее врагом устав предписывает уничтожить танк. Сейчас я не вижу поблизости врага и могу организовать транспортировку...

— Что? — разъяренно пучил глаза комиссар. — Как ты смеешь! Фамилия! Твоя фамилия, младший лейтенант? Какой младший лейтенант, рядовой, рядовой штрафной роты, вот ты кто! Под трибунал пойдешь! Фамилию его запиши.

— Так точно, товарищ бригадный комиссар, — уверял лейтенант, который поддерживал пьяного политработника и пытался увести его к машине. — Обязательно запишу.

Соколова трясло от возмущения и злости. Его, с первых дней войны не покидавшего передовой, прошедшего столько боев, вдруг обвиняют в трусости, даже в предательстве! Рука сама рвалась к кобуре с пистолетом. Алексей не знал, что он будет с ним делать, но стойкий рефлекс уже выработался. В состоянии крайнего напряжения рука сама хваталась за оружие. И уже совсем теряя от возмущения контроль над собой, он готов был вскинуть руку к шлемофону и выкрикнуть свою фамилию, заорать так, чтобы этот пьяница или трус бригадный комиссар даже в таком состоянии запомнил его. На всю жизнь запомнил. А потом... Что будет потом, об этом Алексей даже не думал.

И когда раздался рев танкового двигателя, он обернулся, увидев, что рядом с его Т-34 оста-

новился и заглушил двигатель мощный КВ. А с башни на броню, сбросив с головы шлемофон, спрыгивает Олег Степанов. Седой, как звали его курсанты в танковой школе, из-за светлых, почти белых волос, старый приятель, с которым Алексей вместе поступал, а потом два года спал на соседних кроватях в казарме.

— Иванов его фамилия, младший лейтенант Иванов, — вставая рядом с Соколовым, выпалил Олег, ловко и с особенным шиком отдавая честь комиссару.

Но пьяного политработника уже сажали в машину. А политрук только рукой махал, мол, уезжайте отсюда скорее. И только когда «эмка» тронулась и поехала дальше на восток, разбрызгивая колесами по сторонам грязную жижу, Соколов почувствовал, что Олег крепко сжимает его руку. Оказывается, Алексей все же успел расстегнуть кобуру и взяться за рукоять пистолета.

— Ты что, сдурел, Сокол? — с тихим смешком спросил Степанов, заставив Алексея застегнуть кобуру. — Ты что такой нервный? Тебя же к стенке в несколько часов поставят. И пикнуть не успеешь.

— Седой, здорово! — Алексей расплылся в улыбке и обнял бывшего сокурсника. — Понимаешь, накатило, не справился с собой. Столько всего за эти месяцы было. Да и сейчас только из боя. Ре-

бят потерял, два танка сгорели на моих глазах. Да и моя «семерка» вон встала. Досталось нам за эту неделю крепко. Как живы остались, сам не знаю.

— Война, брат! — похлопал его по плечу Степанов со своей привычной усмешечкой, в которой теперь не было и следа бравады. Тяжелая стала усмешка у бывшего курсанта и отличника боевой и политической подготовки. — Все через это прошли. А вот голову терять не надо. Ты расскажи, где воюешь. Смотрю, на «тридцатьчетверку» сел, молодец!

Алексей грустно улыбнулся, посмотрев на свой танк со множеством следов попадания вражеских болванок на броне, и стал рассказывать про свою войну, как пытался вместе со всеми, как учился воевать заново и осваивать тактику, которой в танковой школе не учили. Как терял товарищей, как жег немецкие танки, но все равно отступал. И нет ничего для него невыносимее этого, особенно после того, как познакомился он с девушкой, которая осталась с больным отцом в бело-русском городке и борется с врагом в подполье. Мальчишки и девчонки фактически. Красная армия вот с такой техникой отступает, а там дети сражаются в тылу.

— А ты-то где сейчас, Олег? — наконец закончил свой рассказ Соколов. — Как тебе на тяжелых танках воюется?

— Давай твою «семерку» возьмем на буксир да оттащим в распоряжение, — предложил Степанов. — Не ровен час еще какой «герой» нагрянет, и тогда нам несдобровать.

Буксирные тросы закреплены, КВ тронулся. Алексей сидел на башне своего старого друга и слушал его рассказ. В танковый полк командиром взвода КВ Степанов попал сразу после училища. Как он сам признавался, в эти тяжелые мощные машины влюбился еще во время учебы. Чувствуешь себя и богом, и чертом одновременно, смеялся Олег. И уважение вселяешь, и страх одновременно. У немцев просто нет орудий, для того чтобы справиться с этими советскими танками. Ну, может быть, только зенитная 88-миллиметровая. Ну а полевые противотанковые орудия, да и сами немецкие танки «рылом не вышли» подбить КВ.

Алексей с улыбкой смотрел на друга, как тот расхваливает свой танк, как поглаживает его во время разговора по броне, а сам вспоминал родные привычные «бэтушки», на которых он начал воевать. Да, слабовата противоснарядная броня, слабовато вооружение, зато легкий скоростной и маневренный танк мог творить на поле боя другие чудеса. Неожиданные стремительные атаки из танковых засад, выход во фланг и тыл противника в короткий срок. Хорошие, надеж-

ные машины, только вот бензиновый двигатель от попадания даже осколка легко загорался, в отличие от дизелей, которые устанавливались на Т-34 и КВ.

— Я, конечно, верил в наши тяжелые танки, — посмеиваясь, говорил Степанов. — Порой до десятка отметин от попадания снарядов после боя находишь на броне. Но вот только в августе, еще до ранения под Ленинградом, я понял, что действительно такое наши КВ!

— Ты был ранен?

— Да ерунда! Три недели провалялся в госпитале, потом запасной полк и сюда. Ты слушай лучше. В нашей бригаде ротный был один. Старший лейтенант Колобанов — ас из асов. Он еще в финскую на танках воевал и в Польше потом. Его роте приказано было перекрыть три шоссе под Красногвардейском. Он рассредоточил танки и занял позицию в засаде. Ты только представь, он за тридцать минут раздолбал немецкую танковую колонну. Одна его машина подбила 22 немецких танка. На броне КВ Колобанова насчитали 141 попадание снарядов!¹ А танк цел. Во, техника! Да еще в умелых руках.

Соколов промолчал, глядя на свою «семерку», которая лязгала гусеницами следом за танком

---

¹ Реальные события 20 августа 1941 года, относящиеся к Кингисеппско-Лужской оборонительной операции.

Степанова. Но Олег расценил грустный вид друга и его взгляд иначе.

— Ты зря так, Сокол! «Тридцатьчетверка» — отличная машина, просто превосходная. У нас с тобой разные задачи, понимаешь. Ты же в школе изучал тактику тяжелых танков, средних, легких. Чего я тебе рассказываю! Мой — это крепость на гусеницах, а ты весь в движении. Твоя «тридцатьчетверка» — это скорость, мощь, напор. Это мы тащимся да ломаем доты, а ты как кавалерия, только стальная. Неудержимая атака огня и стали. Как в той песне, помнишь? — Олег вдруг наклонился к Алексею и уже тише добавил: — А про этого комиссара забудь. Он завтра проспится и не вспомнит о тебе. А если вспомнит, то сам молчать будет, потому что политработнику такого ранга в таком виде появляться перед бойцами нельзя. Отношение к нему — это отношение к партии, а он ее позорит. Так что начхать и забыть. А «семерку» твою дотащим и в ремонт сдадим. Мы еще с тобой на наших стальных конях погоним фашистов на запад.

Докладывать или не докладывать комбату о происшествии — так вопрос не стоял. По уставу военнослужащий обязан доложить своему непосредственному командиру о любом происшествии или нарушении им воинской дисциплины, сде-

ланных ему замечаниях или наложенных взысканиях. Устав строг, а армия есть армия. Подумать стоило только о том, как доложить, в каком виде. Майора Рыбакова Алексей почти не знал. Новый комбат принял подразделение, а взвод Соколова тут же был прикомандирован к маневренной группе, прикрывавшей переправу до отхода наших частей. Правда, майор успел познакомиться со всеми офицерами батальона и побеседовать накоротке. С младшим лейтенантом Соколовым у него тоже был разговор. Ничего особенного: Соколов, как положено, представился, майор задал дежурные вопросы о семье, о службе. Стало понятно, что об опыте Алексея он представление откуда-то имеет.

Штаб танкового батальона располагался в старом клубе на краю села. Точнее, клуб когда-то находился почти в центре, но после боев половина села начисто сгорела, и теперь желтое бревенчатое здание со скворечником на высоком шесте оказалось крайним.

— Разрешите, товарищ майор! — Соколов, пройдя через большую комнату, остановился у стола командира, за натянутой на веревке плащ-палаткой.

— А, Соколов! — Рыбаков бросил на младшего лейтенанта быстрый взгляд и снова принялся подписывать извещения. Это были похоронки. Их было много на столе комбата.

— Танк поставлен на ремонт, — доложил Алексей, — помпотех обещает закончить работы за неделю. Я прошу, товарищ майор, разрешить экипажу принять участие в ремонте материальной части для ускорения сроков ремонта.

— Ладно в детский сад играть. Есть у нас техники, вы только мешаться под ногами будете. Знаю я эти разговоры. Потом жалобы будут: ах, к моему заслуженному танку не такое уважение проявили. Так?

Теперь только по тону комбата Соколов понял, что майор зол до крайности. Потери личного состава, боевой техники, возможно, еще что-то. Наверное, выволочку от командира полка получил, вот и срывается на других, неприязненно подумал младший лейтенант. Но Рыбаков отложил ручку и потер лицо пальцами, испачканными в чернилах.

— Ты не хмурься, Соколов, — заговорил майор уже другим тоном. — Просто в армии порядок должен быть. Другой порядок и другая организация работ. Это на заводе хорошо авралами поднимать объемы выпуска продукции, а в армии каждый должен заниматься своим делом. Ремонтники — ремонтировать, а командиры танковых подразделений должны заниматься обучением личного состава и подготовкой к боевым действиям своего подразделения. Понятно?

— Так точно, — недовольно ответил Алексей. — Понятно.

— Да знаю я, — вздохнул комбат. — Знаю, каково это ребят терять. Иной раз места себе не находишь из-за того, что они там остались, а ты здесь. Сытый, в тепле. Портянки на тебе белые. Только мы с тобой — командиры. Это наша обязанность посылать людей в бой. Иногда вести за собой, а иногда посылать туда, откуда не все вернутся. Знаешь, а посылаешь. Потому что война, парень! Нам Родину защищать, нам выполнять приказ вышестоящего командования. А на войне люди гибнут, этого не избежать. И к этому придется привыкать. Привыкать, что не все твои бойцы доживут до победы. И тем, кто погибнет, вечная слава и вечная память. Рапорт я твой читал. Действовал ты правильно, грамотно действовал. И что неисправный танк доставил в расположение, хвалю.

— Товарищ майор, у меня механик-водитель — бывший инженер-испытатель харьковского завода. Он танки знает лучше наших техников. Омаев не только хороший радист, он электрик. Логунов, так тот еще в финскую воевал.

— Вот ты какой настырный, — покачал головой комбат и посмотрел на молодого командира с отеческой теплотой. — Ладно, в порядке заключения разрешаю твоему экипажу помогать

техникам на ремонте вашей машины. Но смотри, Соколов, чтобы не за неделю, а за четыре дня мне управились и вернули «тридцатьчетверку» в строй!

— Есть управиться в четыре дня! — Алексей вскинул руку к пилотке. — Разрешите идти, товарищ майор?

— Иди, — кивнул комбат и снова взялся за извещения.

Соколов повернулся через левое плечо и двинулся к выходу. Положенных пять строевых шагов он делать не стал. Не стоило топать в штабе, где несколько офицеров работали с документами, с картами, где сидели радисты, поддерживающие оперативную связь.

— лейтенант, — окликнул Алексея майор. — Дай передышку своим танкистам. Завтра у нас концерт. Приезжает концертная бригада из ансамбля песни и пляски.

Два дня пролетели незаметно. Танкисты работали до поздней ночи, а ранним утром снова спешили в мастерские. Соколов согласовывал с помпотехом виды работ, получал запасные части, закрывал формуляры. И когда на второй день ближе к вечеру он пришел в мастерские, то довольный Бабенко, вытирая ветошью руки, с улыбкой объявил, что с трансмиссией они закончили.

— По мотору там у нас ничего сложного не будет, Алексей Иванович, — снова не по-военному

заговорил Бабенко, видимо ощутив свою довоенную среду танкового завода. — Магнето надо поменять, но это минутное дело. Топливный провод полностью промыть, фильтры, форсунки тоже. По подвеске вопросы будут.

— Что-то серьезное? — насторожился Соколов, подходя к танку и присаживаясь вместе с Бабенко возле катков.

— Вот здесь отбойник наварить надо, он во время движения гусеницы заталкивает сам вышедшие из соединения траков пальцы. Его снарядом почти расплющило. Смотрите! Здесь два катка поменять придется, на другой стороне четыре. А с ведущим предстоит помучиться. Хорошая конструкция у наших танков, но вот беда, есть такие виды работ, которые не сделаешь, не снимая башни. Даже по подвеске. Но я думаю, придумаем что-нибудь.

— Хорошо, Семен Михайлович, я на вас надеюсь, — кивнул Соколов и крикнул в передний люк: — Ребята, вылезайте, я вам тут котлет принес и соленых огурцов. На кухне раздобыли из брошенных складом машин. Тут кипяток где-то можно раздобыть? Титан какой-нибудь?

— Я вам кипяток сейчас устрою без титана и без печки, — пообещал Омаев, выбираясь из нижнего люка танка. У нас там буржуйка в раздевалке. Сейчас дров подброшу и вскипячу. Заварки

вот нет только. Товарищ сержант, у Николая вроде оставался чай?

Логунов посмотрел на Омаева, потом на Соколова. Нахмурился и виновато стал объяснять:

— Я Бочкина послал в казарму. Там в вещмешке у меня нож складной был. Забыл взять с утра. Послал, а он пропал. Разрешите сбегать, товарищ младший лейтенант?

— Не надо, Логунов, вы перекусите пока. Ужин сегодня позже будет, к нам артисты приехали, их там кормят.

— Нашли время концерты устраивать, — проворчал Логунов.

Соколов пожал плечами. Может, кому и надо, может, кому песня из довоенной гражданской жизни душу согреет, о доме напомнит. Им по концертам ходить некогда, надо срочно ремонтировать танк, потому что батальон со дня на день могут снова бросить в бой. Потом и концерты будут, и танцы до утра. Когда война кончится.

В общей казарме, где танкистам отвели дальний угол, отгороженный брезентом, Соколов увидел на своей кровати три письма. Он посмотрел на адреса. Одно было Руслану Омаеву. Судя по почерку, от матери или сестры. Два других — Логунову. Оба из Сибири. Наверное, от матери Николая, подумал Соколов. Взрослые, а стесняются парня. Вроде и не муж с женой, но любят друг

друга, сойтись хотят. Да и к Николаю Логунов как к сыну относится. Только вот беда у парня. Девушка, которую он любил, которая его с войны ждала и письма писала несколько месяцев, вышла замуж за какого-то офицера-тыловика и уехала с ним. Предательство. Как такое пережить?

Концерт не стали проводить на улице. К вечеру подморозило, столбик термометра упал до минус пяти градусов. Свободных от службы бойцов и командиров собрали в большом сельскохозяйственном ангаре, который был способен вместить больше двухсот человек. В центр ангара загнали полторку, опустили ее борта и устроили таким образом импровизированную сцену, которую было видно отовсюду.

Соколов вошел в ангар, когда на «сцене» выступала худенькая девушка с густыми светлыми волосами и забинтованной правой ногой. Она исполняла романс на стихи Пушкина под аккомпанемент аккордеона. Голос девушки отличался глубиной и удивительными интонациями, от которых строки романса оживали, переносили в прошлую эпоху, заставляли слушать не дыша. Младший лейтенант смотрел на лица солдат и думал о том, что сейчас в этом «концертном зале» много бойцов из городов, которые не раз слышали хорошее вокальное выступление, видели знаменитых певцов. Но немало здесь людей, которые

родились и выросли в деревне. И слышать академическое исполнение могли разве что по радио, если оно у них к тому времени было проведено. Но как сейчас все слушали! Как проникали в души слова и музыка!

Наконец Соколов нашел Бочкина. Николай сидел на колесе старой разобранный сенокосилки и во все глаза смотрел на девушку. Таким своего заряжающего Алексей еще не видел. Парень преобразился, он улыбался с таким светлым лицом, как будто смотрел на ангела. А может, что-то подобное и происходило в его душе. Вот тебе и на, подумал Соколов, разбитной парень из рабочего квартала, для которого самым эмоциональным развлечением с детства была игра в «стеночку», вдруг прикоснулся к прекрасному — к классическому пению, к академическому искусству.

Но отчитать и пристыдить Бочкина все же придется. Соколов нахмурился и сделал суровое лицо. Если ты член экипажа, несмотря на тягу к великому и прекрасному, ты должен марать руки и заниматься железом, как и все остальные. Таковы законы коллектива не только в армии и не только на войне. Это пригодится потом и во взрослой гражданской жизни. Алексей поймал себя на мысли, что причисляет себя, в отличие от Коли Бочкина, ко взрослым. А ведь Бочкин младше своего командира взвода всего на 3—4 года.

— Не надо, командир, — тихо прошептал над ухом голос Логунова. — Может, не надо, а? Вы ведь не видите, а я с ним все время рядом. Парень жить не хотел, так его выходка невесты доконала. А тут... вы поглядите на него. Справимся мы без него вечером. Чего там осталось-то!

Соколов поглядел в глаза сержанту и согласился. Еще два часа работы, и экипаж отправился на ужин.

Выскребая из тарелки остатки каши, Бабенко рассказывал о летнем отдыхе в Ялте. О местах, где любил бывать Чехов, о достоинствах крымских вин.

— Тебя послушать, Семен Михалыч, — хмыкнул Логунов, вычищая куском хлеба свою тарелку, — так вся твоя жизнь прошла на курортах со стаканом вина в руке. Ты бы хоть разок вспомнил про завод, про трудовой коллектив.

— А вина самые лучшие все равно на Кубани и на Кавказе, — заметил Омаев. — Я сегодня письмо из дома получил. Мать пишет, урожай винограда в этом году очень богатый. Она считает, к праздничному столу. Что скоро победа будет, прогоним врага и будет чем отметить. Вот бы правда!

— А вы сомневаетесь? — спросил Соколов, глядя, как Логунов заботливо заворачивает в ватную стеганку тарелку Бочкина, чтобы сохранить кашу теплой к его приходу.

— Да, там дедушка от себя приписку сделал. Говорит: внук, будь мужчиной. Это женщинам мечтать можно, а джигит должен иметь ясный взор. Поминать многих нам придется, потому и вина много, потому и урожай винограда такой богатый. Природа знает, что такое горе, оно еще больше будет.

— Мистика, — пробормотал Бабенко, скручивая из куска газеты «козью ножку». — Может, и мистика, поверье, а может, и есть что-то в природе такое, чего мы понять не можем.

— Например, почему у «семерки» все время масса пропадает, — хмыкнул Логунов, вставая из-за стола. И добавил с сарказмом: — Инженер!

— С массой как раз понятно, — возразил Омаев, вставая следом. — Где-то провод пробивает на корпус. А вот почему, как старики говорят, перед войной всегда много мальчишек рождается? Как начнет в селе много мальчишек рождаться, так знай — к войне.

А Коля Бочкин топтался возле санчасти и уговаривал старого врача Бориса Моисеевича пропустить его к Елизавете. Доктор строго смотрел на танкиста поверх очков.

— Что тебе приспичило? Истощена она сильно, рана на ноге открылась. Ей усиленное питание и сон требуются, а не ухажеры с септическими руками. Ты хоть руки-то когда-нибудь моешь, танкист?

— Мою, — уныло ответил Бочкин, глядя на черные ногти и въевшееся в поры масло. — Мы из боя вышли три дня назад. Танк спасали, дотянули до ремонтной службы. Теперь вот срочно всем экипажем ремонтируем. Вдруг завтра в бой. Ну пустите, что я там трогать чего буду, что ли. Я их в карманах буду держать.

— А, так ты из геройского экипажа младшего лейтенанта Соколова? — усмехнулся доктор. — Слышали мы про ваши подвиги, слышали. Значит, твои товарищи танк ремонтируют, а ты по девочкам шатаешься?

— По каким девочкам? — взбеленился Бочкин, но тут же присмирел и снова стал смотреть на Бориса Моисеевича умоляюще.

— Ладно, орел, — неожиданно сдался доктор. — Сейчас мы с тобой пойдем в палату к Елизавете Сергеевне. Но уговор, танкист: если она спит или не захочет видеть визитеров, ты сразу уйдешь.

Бочкин сглотнул слюну, от волнения набравшуюся во рту, и понял, что испугался. Только что он добивался визита к юной певице, а когда получилось добиться, струсил. И что он ей скажет? Все слова, которые Коля готовил вот уже пару часов, вдруг вылетели из его дырявой головы, оставив после себя стыдливо убогие следы типа: «Я восхищен вашим пением! Какой у вас

ангельский голос! А мы с вами не встречались во время ваших гастролей в Красноярске?» Дебил, обозвал себя Бочкин и мужественно шагнул в пахнувшую теплом и лекарствами атмосферу медсанбата.

Он стоял, подпирая спиной стену возле двери, и слушал приглушенный голос доктора.

— Елизавета Сергеевна, к вам тут гость один просится вот уже битых два часа. Поклонник, так сказать, вашего пения.

— Это тот самый молодой танкист с большими глазами? — ответил мелодичный слабый голосок. — Я почему-то так и думала, что он не удержится и обязательно придет.

— Так пропустить его к вам? Вам, деточка, спать надо. Вам не волноваться, а сил набираться необходимо.

— Борис Моисеевич, голубчик, ну пропустите танкиста, — попросила девушка. — Я у вас тут с тоски умру. А здесь сразу поклонники пошли.

Доктор рассмеялся ее шутке, и Бочкин совсем поник головой. Для него этот смех был убийственным. Больше всего Николаю вдруг захотелось сбежать из медсанбата и не показываться доктору на глаза. Стыдища! Но он мужественно оторвался от спасительной стены, выдержал взгляд врача и шагнул в маленькую комнату с одним окном, выходящим в сад.

Кровать с блестящими шарами на спинках. Белая тумбочка со стеклянной банкой, в которой красовался букетик цветов, явно сорванных у какой-нибудь бабушки. Чувство ревности захлестнуло Бочкина. Он прошел на непослушных, ставших деревянными ногах и остановился перед кроватью певицы.

С подушки в обрамлении светлых, немного вьющихся волос смотрело улыбающееся лицо. А еще у Елизаветы Сергеевны оказались голубые-преголубые глаза. Они совсем не были насмешливыми, негодующими или недовольными. Глаза были приветливыми, лицо очень милым, хотя и сильно бледным.

— Садитесь, юноша, — произнесла девушка слабым голосом. — Не стойте столбом, а то мне трудно смотреть на вас снизу вверх. Глаза болят.

Бочкин опустился на стул с такой готовностью, как будто боялся, что его украдут. Он смотрел, не отрываясь, в голубые глаза и молчал. И молчать ему очень нравилось, нравилось, как на него смотрели.

— Как вас зовут, танкист? — спросила девушка.

— Коля, — выдавил из себя Бочкин и тут же поправился: — Николай Бочкин.

— А меня называйте просто Лиза, — тихонько засмеялась девушка, глядя, как гость прячет в кар-

манах белого больничного халата свои руки. — Вы не обращайтесь внимания на Бориса Моисеевича. Он добрый замечательный дядька. И очень интеллигентный человек. Он всех норовит называть по имени-отчеству и на «вы». И ко мне обращается исключительно «Елизавета Сергеевна». Но вы не думайте, что я зазналась и что я великая певица. Я всего лишь студентка второго курса консерватории.

— Вы так хорошо пели! — буркнул Бочкин, понимая, что говорит не то, что хотелось бы сказать.

— Перестаньте, Коля, — умоляюще всплеснула руками девушка. — Вам не идет лесть. Вы суровый воин, вы управляете железной грозной техникой. Вы и выражаться должны солидно.

— Как? — поперхнулся Бочкин, готовый растаять как кусок сахара, когда Лиза назвала его просто Колей.

— Ну вот, я вас испугала, — улыбнулась девушка. — Вы не думайте, что я посмеиваюсь над вами. Я просто пытаюсь шутить, пытаюсь сделать так, чтобы вы себя чувствовали свободно. Вы так напряжены. А мне надо, чтобы вы разговаривали со мной, тоже шутили. Понимаете, Коля, у меня очень болит рана. Я не говорю Борису Моисеевичу, иначе он станет жалеть меня и будет уговаривать колоть морфий. А я не хочу. Я сама перетерплю. Вы мне только помогите, ладно?

И тут Николай увидел в этих голубых глазах кроме смеха и блеска затаившуюся боль. Сердце танкиста сжалось, и он кинулся спасать прекрасную принцессу. Он рассказывал о своем поселке под Красноярском, о своей маме, о Логунове, с которым они жили в одном поселке и теперь вместе воюют в одном экипаже. Он не стал говорить про любовь Логунова и своей матери, но зато много наговорил лестного о своем командире. Лиза смеялась его шуткам и тому, что гость вдруг стал спокойнее и естественнее. Она рассказала о Ленинграде, откуда была родом, о своих родителях, о детстве и юности. И о том, как они договорились у себя в коллективе ездить по воинским частям с концертами. Помогать бойцам в минуты затишья.

Николай говорил, улыбался, а сам все никак не мог понять, почему Лиза узнала, что пришел именно он. Еще во время концерта ему казалось, что девушка смотрит именно на него, ему в глаза, хотя на таком расстоянии, на котором он сидел от сцены, с уверенностью сказать этого было нельзя. И теперь она болтает с ним как старая знакомая, улыбается. Неужели он ей нравится? Но почему, чем? Она ведь из Ленинграда, у нее все знакомые — музыканты, певцы, художники. А он простой рабочий парень. Правда, фантазер. Он и сейчас представлял себя молодым русским

БРОНЕБОЙНЫЙ ЭКИПАЖ

богатырем, каким-нибудь Алешей Поповичем, который спас красивую княжескую дочь. И вот они беседуют в княжеских хоромах. Дурь, мальчишество, а думать так приятно.

А потом голос Лизы сделался тише, она стала не так внятно произносить слова, глаза стали напряженными. Коля вдруг увидел в них слезы.

— Больно... очень, — прошептала девушка и повернула лицо к стене, чтобы он не видел ее слез.

Бочкин вскочил и бросился из палаты, крича, что девушке плохо, что ей срочно нужен врач. Но по коридору уже спешили Борис Моисеевич со скорбным сосредоточенным лицом и девушка-медсестра, державшая в руках накрытый марлей стерилизатор со шприцем.

— Уходите, молодой человек, уходите отсюда немедленно! — буркнул доктор и скрылся за дверью палаты.

ГЛАВА 2

То, что его вызвали не к комбату, а сразу в штаб полка, Соколова удивило. Приказав Логунову остаться за старшего, а экипажу отдыхать, Алексей надел шинель, подпоясался ремнем. Было бы неправильно, решил он, явиться в штаб полка в замасленной зимней танкистской куртке и комбинезоне. Водитель, которого прислал комбат Соколову, чтобы отвезти его в штаб, расположенный за восемь километров от расположения батальона, толком ничего не знал. Ему приказали, он приехал.

Доложив дежурному по полку о прибытии, младший лейтенант с удивлением увидел на вешалке несколько шинелей с петлицами лейтенантов и капитанов. Только одна шинель была с двумя «шпалами» майора.

— Хотите есть? — спросил дежурный Соколова, когда тот разделся. — Многих офицеров вызвали так срочно, что они не успели поужинать. Командир полка распорядился с кухни доставить

термосы с горячим питанием и чаем. Все-таки не передовая.

— Благодарю, товарищ капитан, я ужинал.

— Тогда ждите, сейчас командир полка вас вызовет.

Соколов кивнул и уселся в углу на расшатанный стул с деревянной спинкой. Полночь, вызов в штаб полка, ужин для приглашенных офицеров. Наверное, вызвали надолго, раз решили еще и покормить. Хотя кто-то из командиров добирался с позиций за несколько десятков километров. И почему меня вызвали, только одного командира из всего батальона?

Поразмышлять над этими вопросами не удалось, потому что через пять минут распахнулась дверь и резкий сильный голос приказал:

— Приглашенных офицеров прошу пройти ко мне!

Дежурный тут же поспешил в соседнюю комнату. Когда он открыл дверь, Соколов услышал приглушенные голоса, позвякивание железной посуды и запах курева. Несколько командиров, на ходу поправляя ремни, пошли к командиру полка.

Соколов вошел последним. Как самому младшему по званию, ему пришлось представляться последним. Полковник Осипов, крупный мужчина с густой шевелюрой, чуть тронутой сединой на висках, задержал взгляд на младшем лейтенанте,

как будто сличая его внешность с теми рекомендациями, которые он получил. У длинного стола были расставлены стулья, полковник предложил всем садиться.

— Товарищи, — заговорил Осипов, располагаясь во главе стола, у зашторенной карты на стене. — Нам поставлена необычная и очень серьезная боевая задача. Все вы прибыли сюда по рекомендациям своих командиров. Каждый из вас имеет необходимый боевой опыт. Мы формируем оперативную мехгруппу в составе сводного батальона мотопехоты под командованием капитана Забелина и танковой группы под командованием старшего лейтенанта Кравченко.

Один за другим поднялись командиры, которым полковник жестом разрешил снова сесть. Потом Осипов перечислил подразделения, которые войдут в состав сводного батальона: две роты мотопехоты на грузовиках, разведвзвод на шести бронемашинах БА-6, две 57-миллиметровых минометных батареи, пулеметный взвод. Стало понятно, что операция предстоит не столько наступательная, сколько оборонительная. Но броневые автомобили Соколова смутили. Конечно, сейчас подморозило, и они пройдут по мерзлой почве почти везде. Но для чего они?

— ...и танковая группа капитана Кравченко, — повторил в конце Осипов. — Заместителем к Крав-

ченко пойдет младший лейтенант Соколов. Этот молодой командир уже принимал участие в подобных операциях, проявил себя как умный, находчивый и грамотный офицер. Возглавит оперативную механизированную группу майор Лацис.

Сидевший рядом с полковником плечистый майор с мощной шеей поднялся и обвел взглядом собравшихся. Волевое лицо со шрамом понравилось Соколову. Уверенность, ум в глазах. Майор опустил снова на стул, а Осипов махнул кому-то рукой через головы сидящих.

— Ну, что там? Готово?

— Так точно, товарищ полковник!

Вошел высокий капитан в очках — начальник оперативного отдела штаба полка. В руках он нес стопку карт. Положил ее перед командиром полка на стол.

— Второй участок обещали завтра утром. Самое позднее к середине дня.

Осипов взял верхнюю карту, развернул, просмотрел и подвинул всю стопку майору. Лацис перебросил часть карт командирам.

— Прошу ознакомиться, товарищи, — сказал он низким, чуть хриловатым голосом. — Это район предполагаемого действия нашей мехгруппы.

— Но это же... — проговорил кто-то из командиров, но его перебил Осипов:

— Итак, задача вашей группы! Скрытно, используя отсутствие на сегодняшний день на участке дивизии сплошной линии фронта, пройти в тыл немецким войскам. Сосредоточиться в районе города Лыков Отрог, изучить обстановку и одним ударом взять его, выбив и уничтожив фашистский гарнизон. На следующем этапе группа должна удерживать населенный пункт до тех пор, пока разведзвод прочешет шоссе в пригородах Лыкова Отрога, где по нашим сведениям лежит разбитая автомашина, которая вывозила со складов реактивные снаряды для наших гвардейских минометов. Два снаряда все еще лежат, как нам стало известно, в кузове этой машины. Снаряды необходимо забрать, гарантированно уничтожить комиссией из состава командиров группы. Третий этап — вернуться с наименьшими потерями в личном составе и боевой технике. Вопросы?

— Разрешите, товарищ полковник, — поднялся со своего места под перешептывание других командиров капитан Забелин. — У меня два вопроса. Первый, почему не послать туда пешую разведгруппу, которая спокойно найдет эти снаряды и уничтожит их на месте? Или не накрыть это место бомбовым ударом? Второй вопрос, прошу прощения, если он немного неприятный, но мы на войне, и дальше фронта не пошлют. Эти снаряды реактивные

установки сотнями валят на головы немцев уже несколько месяцев. Я сам видел, что сделала батарея БМ-13 с железнодорожной станцией Орша. Что изменится или случится страшного, если они там и сгинют среди ржавого металлолома?

— Разрешите мне, товарищ полковник? — попросил Лацис и, не вставая, жестом руки усадил капитана. — Группа разведчиков уже была там. Все погибли, успели только сообщить, что ведут бой. Это была хорошо подготовленная группа. Бомбовый удар не даст гарантии, что снаряды уничтожены, потому что мы не знаем точно, где находится та самая машина. Мы знаем, что это шоссе Лыков Отрог — Смоленск. В его пригородной части, но это все сведения. И самое главное, товарищи командиры. Немцы не знают, что сама реактивная установка наших гвардейских минометов никакой тайны не представляет. Это просто направляющие для ракетных снарядов и электропривод для воспламенения взрывчатого вещества несущего заряда. Боевой заряд взрывается при падении на землю. Весь секрет наших реактивных установок состоит именно в ракетном топливе, в несущем пороховом заряде, который горит и выделяет огромное количество раскаленных газов, вырывающихся через узкое сопло и толкающих снаряд вперед. Обычный порох здесь не годится. Он или медленно горит, или взрывается.

Лацис, видимо, был химиком или инженером, потому что говорил толково, со знанием дела, пересыпая свою речь специальными и научными терминами с завидной легкостью. Алексей понял из всего сказанного только то, что для ракетных снарядов сначала изобрели специальный состав, так называемый пироксилино-тротиловый порох. Но он не годился, потому что горел медленно, с выделением газов в объеме меньше расчетного. Ракеты летели не точно, а то и вовсе падали, так и не достигнув цели. Тогда придумали добавлять в порох «Н» стабилизатор химической стойкости под названием «централит № 2». Это дало нужный результат. Но дело в том, что советские химические заводы не умели производить этот самый «централит № 2». А производился он в Германии, и до войны именно из Германии он поставлялся в Советский Союз. И теперь, после разрыва дипломатических и торговых отношений и начала войны, поставки прекратились. Нынешних запасов стабилизирующего вещества хватит ненадолго, срочно нужно искать замену, изобретать свой, отечественный состав. И такие работы уже начались. Но немцы могут захватить снаряды и узнать секрет пороха. И тогда их 6-ствольные минометы, у которых точность стрельбы сейчас очень низкая, смогут стать страшным оружием. И где гарантия, что немецкие инженеры

вместо 6-ствольных минометов не станут делать 12-ствольные, 24-ствольные?

— Вот в чем важность нашего задания, товарищи командиры, — заключил свой рассказ майор. — Капитан Забелин нам тут рассказал, что видел первый удар наших реактивных минометов по железнодорожной станции в Орше. Вы результат можете описать нам, товарищ капитан?

— Так точно, — усмехнулся Забелин. — Только там описывать нечего. То есть совсем нечего. Станции не стало. Все как ураганом смело. Горело даже то, что и гореть-то не может.

— Вот именно, — кивнул Лацис. — Один снаряд нашего миномета сам по себе не очень грозное оружие. Вся суть в том, что взрываются сразу несколько снарядов на определенной территории. Встречная взрывная волна складывается и умножается до такой степени, что действительно не оставляет на месте удара ни строений, ни техники, ни живой силы противника. Еще вопросы есть по существу?

— Разрешите? — поднялся старший лейтенант Кравченко. — Какой гарнизон в Лыковом Отроге?

— Город небольшой, всего около трех квадратных километров. До войны в нем проживали 8 тысяч человек. По нашим сведениям, в городе располагается окружная комендатура и усиленная комендантская рота, численностью не менее

полтора сотен человек. Рота имеет несколько бронетранспортеров и мотоциклы. Городок поделен на сектора, каждый сектор оборудован пулеметными гнездами, расположенными на чердаках и других высоких точках. Улицы и площади перекрестно простреливаются как минимум с двух направлений. Имеются старые армейские склады, которые немцы используют по прямому назначению. Охрана складов — не менее роты. Еще в городе расквартирован штаб фельдполицейской, которая перекрывает все транспортные направления и осуществляет пропускной режим. Это еще около двух сотен солдат. Кроме того, зенитный дивизион и рота легких танков, осуществляющих прикрытие мостов и железнодорожной станции. Они тоже базируются в Лыковом Отроге. Это все приблизительные сведения, которые, кстати, могли уже устареть.

— Серьезный городок, — после долгого молчания сказал Забелин. — Угораздило наших артиллеристов именно там снаряды потерять. Могли бы в какой-нибудь глухомани это сделать.

— Задача командирам ясна? — спросил Осипов. — Товарищ майор, двое суток на подготовку. Завтра получите недостающие крупномасштабные карты района действий, и в ночь механизированная группа должна выйти. Приказы по снабжению соответствующие подразделения получили.

Сухие пайки, горючее, боеприпасы приготовлены. Танки возьмут двойной комплект снарядов.

Офицеров отпустили готовить свои подразделения, а майор остался с командиром полка изучать обстановку на фронте на этот час. Важно знать пути передвижения немецких войск, чтобы не столкнуться лоб в лоб с крупными соединениями. Группа должна дойти до цели без стычек и тем более не ввязываться в затяжные бои.

Соколов вернулся в расположение батальона и сразу отправился к комбату.

— Вернулся? — Рыбаков поднялся с деревянной лежанки и накинул на плечи танкистскую куртку. — Можешь не докладывать, я в курсе. Садись.

Алексей сел к столу, положил шапку рядом с коптилкой, сделанной из снарядной гильзы, расстегнул верхнюю пуговицу. Комбат погромел чем-то в тумбочке и подошел к свету. Фляжка, две алюминиевые кружки и газетный сверток, в котором оказались лук, небольшой кусок сала, черный хлеб. Пока Соколов резал закуску, Рыбаков плеснул из фляжки по кружкам на два пальца водки и стал задумчиво смотреть на огонек коптилки.

— Вот как получается, лейтенант, — сказал он, наконец. — Повоевать мы с тобой вместе не успели, а я уже отправляю тебя одного. Далек пойдешь, если тебя у меня через голову забирают.

— Не на курорт же, — вспомнив постоянные рассказы Бабенко, возразил Алексей.

— Лучше б на курорт, — поднял кружку комбат. — Ей-богу, с удовольствием бы отпустил. Давай, Соколов, за удачу. За нашу танкистскую удачу. Чтобы снаряд мимо, хоть вскользь, да ricochetом. А если попадет, то пусть в мотор, чтобы экипажи были живы. И приказ выполнить, и чтобы вернуться всем.

Алексей опрокинул водку, не чувствуя вкуса, и стал жевать хлеб с луком. Комбат не поморщился, выпил ее как воду и подцепил кончиком финки полоску сала. Прожевав, откинулся к стене и полез в карман за папиросами.

— Тебе не впервой по тылам машину водить, — закуривая, сказал комбат. — Верю, что сможешь сделать там больше, чем любой другой взводный. Командир ты знающий, аттестацию твою из танковой школы я видел, да и наслышан о твоих подвигах на фронте. Хочу предостеречь вот от чего. Ты лихость не показывай, знаю я вас, молодых. Только расчет, только математика, как при подготовке карты стрельбы. Никаких авось и куража. Ты с Кравченко идешь. Я его знаю. Осторожный, но упертый. Если сказано забить гвоздь, он из кожи вылезет, из перьевого перины молоток скрутит, а задачу выполнит и гвоздь забьет. У него есть чему поучиться.